

УДК 821.161.1

Н.Е. Никонова

**КНИГА КАК МНОГОМЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
КОММУНИКАЦИИ: «ВЕРА, ЛЮБОВЬ, НАДЕЖДА» И.Г.Б. ДРЕЗЕКЕ
В ВОСПРИЯТИИ В.А. ЖУКОВСКОГО¹**

Статья посвящена решению актуальной проблемы современного литературоведения, исследованию малоизвестных архивных источников. В работе описан экземпляр книги немецкого проповедника И.Г.Б. Дрезеке «Вера, любовь, надежда» (Dräseke J.G.B. Glaube, Liebe, Hoffnung. Ein Handbuch für junge Freunde und Freundinnen Jesus. Lüneburg, 1814), принадлежавшей В.А. Жуковскому и М.А. Протасовой: расшифрованы и переведены записи обоих читателей, сделанные преимущественно по-немецки. Впервые публикуется перевод, выполненный поэтом на страницах книги, которая имела для него почти сакральное значение, сопровождала на протяжении всего жизненного пути и упоминалась им в завещании.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, М.А. Протасова, личная библиотека, И.Г.Б. Дрезеке.

Личная библиотека В.А. Жуковского – ценнейшее собрание книжных памятников и артефактов мировой литературы и творческая лаборатория писателя. Основной фонд изданий, сохранившийся в библиотеке Томского государственного университета, получил научное описание благодаря стараниям томских филологов в 1980-х гг. Однако до сегодняшнего дня с завидной регулярностью обнаруживаются не учтенные ранее книги с пометами Жуковского, записками и целостными фрагментами переводов художественных текстов. Некоторые издания имеют принципиальное значение, на которое указывал сам поэт. Одним из таких является экземпляр знаковой для него книги немецкого проповедника И.Г.Б. Дрезеке.

Иоганн Генрих Бернхард Дрезеке (Dräseke, J.H.B.; 1774–1849) был знаменитым проповедником, одним из самых известных теологов-евангелистов Германии XIX в., епископом, государственным и политическим деятелем. Дрезеке родился в Брауншвейге в большой семье и с детства должен был самостоятельно зарабатывать свой хлеб. Под влиянием матери он выбрал карьеру церковника. Учился и работал в Брауншвейге, Ратцебурге, Мельне, Бремене. Дрезеке получил широкую известность благодаря религиозно-романтическим проповедям, его первое в этом жанре сочинение о «настоящей религиозности» вышло в 1796 г. («Zur Beförderung wahrer Religiosität»). Автор проповеди представлял христианско-телеологическое мировидение и рассматривал религию как путь к прекрасному воплощению нравственного идеала в жизни, как разумный принцип, который он с успехом разъяснял своему «думающему» читателю и слушателю. Дрезеке стал мастером проповеди, благородный огонь и драматичность его увлекательных речей, яркий поэтический язык, полный метких оборотов, шуток и метафор, впечатляли прихожан Европы. Интересующая нас книга об обретении веры, любви и

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук МК-448.2011.6.

надежды в себе и Боге «Glaube, Liebe, Hoffnung. Ein Handbuch für junge Freunde und Freundinnen Jesus» (Lüneburg, 1814) является четвертой и последней крупной работой священника в жанре христианско-религиозной проповеди, за двадцать один год (с 1813 по 1834 г.) она переиздавалась пять раз. Дальнейшие публикации проповедника были так или иначе связаны с политикой, а именно с идеей внешнего и внутреннего освобождения нации. Возрождение и объединение Германии, по мысли Дрезеке, должно было произойти на почве религиозного обновления. Благодаря этой своей идее он был призван в Бремен и затем назначен епископом, а вскоре по той же причине подвергся гонениям и окончил жизнь, разочаровавшись в своих общественно-политических национально-патриотических взглядах.

Идеи Дрезеке были созвучными миропониманию Жуковского, всегда вдохновлявшемуся идеей религиозно-нравственного самосовершенствования и возможностью гармоничного примирения идеала и действительности посредством покорности божественному Провидению.

В этом отношении особое значение имели поиски Жуковского в области «практической», моральной философии. Осмысляя труды немецких моралистов, прежде всего И.Я. Энгеля, Х. Гарве, он акцентирует их роль в становлении нравственных основ психологии. Так, летом 1805 г. он записывает в дневнике: «Простой, ясный и приятный слог; порядок в предложении мыслей, справедливо основанных на опыте <...>. Гарвее может назваться настоящим практическим философом» [1. Т. 13. С. 21–22]. Эта оценка, сопровождавшая чтение трактата «О уединении и обществе», распространяется и на других немецких моралистов. Дрезеке вполне вписывается в этот ряд духовных наставников.

В трудах о Жуковском и его собственных записях имеются упоминания о трех экземплярах брошюры о любви, вере и надежде, каждый из которых открывает отдельную историю из биографии романтика. Первая книга, которая и является объектом нашего внимания, была передана Жуковским Маше Протасовой в 1815 г. из Петербурга. А.Н. Веселовский предполагает, что изначально поэт был намерен сделать перевод Дрезеке, и указывает на имеющееся в книге четверостишие под заглавием «Маше», посвященное М. Протасовой («Мой друг бесценный, будь спокойна...», 1806), а также на местонахождение самого издания: «Книга эта находится в собрании А.Ф. Онегина вместе с другими, принадлежавшими Жуковскому, который оставил в них свои заметки, следы впечатлений, нередко имеющих биографическое значение» [2. С. 198]. В 1926 г. М.Л. Гофман подтверждает данные, упомянув о находящихся здесь же выписках Маши [3. С. 69]. Ту же информацию повторяет автор описания личной библиотеки поэта В.В. Лобанов [4. С. 391]. В настоящее время издание, о котором идет речь, доступно и хранится в Пушкинском Доме в Петербурге [5]. Значение его в личной и творческой биографии поэта невозможно переоценить. Книга стала территорией интимного общения разлученных влюбленных, их утешением «здесь» и последней надеждой на воссоединение «там», действительным воплощением трех христианских добродетелей, провозглашенных в заглавии. Так, Жуковский просит Машу: «Ты же непременно имей положенную работу – перево-

ды нашего Дрезеке, делай свои выписки и записки, будь более с собою; у тебя нет особого места – уступи необходимости; *когда* найдешь время, *где* успеешь, подле Катинной колыбели, рано поутру, где ни попало, пиши, читай, думай» [1. С. 121]. Как свидетельствуют пометы, просьба Жуковского была выполнена (см. далее).

Второй экземпляр книги был презентован графине С.А. Самойловой, которой увлекся поэт, ко дню рождения в августе 1819 г. Об этом свидетельствует подробнейшее послание Жуковского в ее альбоме, который вместили самые сокровенные мысли и заветные идеи поэта. Рассуждение о брошюре Дрезеке здесь перетекает в обоснование собственного учения о воспоминании, философии «фонаря» как постоянного движения к счастью и др. Жуковский четко определяет характер издания и его предназначение: «Вы позволили мне сделать вам подарок в день вашего ангела: я вздумал подарить вас такою книгою, которая могла бы служить вам вместо *руководства в чтении других книг* и добрым, верным товарищем на целую жизнь. Книга, которую я для этого выбрал, которой пользу *отчасти* знаю по собственному опыту, по своему содержанию прилична вам» [1. С. 134]. К подарку прилагается немецкий перевод Библии, на которую ссылается Дрезеке, чтобы графине было удобнее следить за мыслью автора. В работу немецкого священника так же, как и в первый экземпляр, аккуратно вклеены чистые листы для записи размышлений и комментариев.

Жуковский ставит перед юной графиней (Самойловой исполнилось восемнадцать) конкретную задачу, как опытный наставник: «Положите себе за правило каждый день *наполнить одну страницу выписками*, этого довольно: день не будет потерян. Когда все выписки кончатся, то перечитать книжку *вместе с ними* — это окончательное чтение все возобновит в мыслях и все приведет в порядок. Но эти выписки не займут *всей* этой белой книги, останется большая половина ее белою: она для *дополнений*. Что найдете в других книгах прямо прекрасного, такого, что может быть годно для *зажжения светлого фонаря*, то записывайте сюда; но еще более записывайте то, что придумаете сами; вам не будет недостатка в прекрасных мыслях и чувствах» [1. С. 137].

Его педагогическая цель – научить графиню тому, как следует читать: «<...> читать одно *лучшее* и читать *не для рассеяния*, а для того, чтобы чтением *дополнять уроки жизни*; очистить и возвысить душу, дать мыслям ясность, порядок и полноту; яснее постигнуть свою цель и беспрестанно усиливать свое к ней стремление; читать не много, но много *мыслить*, дабы чужое обратить в собственное. Читать в некотором *порядке*» [1. С. 137]. Однако сама книга инициировала дорогое Жуковскому воспоминание о светлом образе Маши и счастливых днях жизни. Более подробных сведений о судьбе этого экземпляра и его местонахождении на данный момент нам обнаружить не удалось.

Наконец, третий экземпляр Дрезеке был подарен Жуковским вместе с А.А. Воейковой товарищу по «Арзамасу» П.И. Полетике с дарственной надписью в духе арзамасской галиматии: «Очарованному Челноку от двух Светлан. Арзамасской и настоящей. Вот тебе вера, надежда и любовь, прими их

из рук Светланы, и пускай они сопутствуют повсюду Очарованному Челноку» [6. С. 626]. Книга представляет собой четвертое, значительно доработанное издание, вышедшее в 1817 г. Данный экземпляр перешел от П.И. Полетики в библиотеку графа В.П. Завадовского, а затем во владение В.В. Голубцова. Дрезеке и на этот раз возник в космосе Жуковского не случайно, но в связи с сокровенным воспоминанием о Маше, ушедшей из жизни в марте 1823 г. Весной он виделся с ней в последний раз, а в октябре специально посетил ее могилу в Дерпте. Автограф на книге, подаренной Политике, датирован 18 декабря 1823 г. К этому времени Жуковский и А.А. Воейкова вернулись из Дерпта в Петербург, еще теснее объединенные общими трагическими переживаниями, вызванными кончиной М.А. Протасовой (Мойер). А.А. Воейкова была непосредственной свидетельницей печальных событий и самым близким человеком для поэта в эту нелегкую для него пору [7. С. 137–140]. Именно в таком контексте становится понятным значение подарка и смысл надписи, оставленной рукой Жуковского на экземпляре Полетики.

Необходимо заметить, что труды немецкого проповедника были известны в России и популярны в богословских кругах среди представителей так называемого «немецкого направления», ярчайшим выразителем которого был отец Герасим Павский (1787–1863), гебраист, долголетний профессор Санкт-Петербургской духовной академии по классу еврейского языка, профессор богословия в Петербургском университете, потом придворный протоиерей, духовник и наставник будущего Александра II. Павский был также филологом, переводчиком. Он и его единомышленники «исповедовали своеобразный религиозно-моралистический идеализм» [8], определяя «религию как чувство, коим дух человеческий внутренно объемлет Невидимого, Вечного и Святого, и в нем блаженствует» [8]. Предназначение религии, по мнению Павского, заключалось «*только* в том, чтобы чаще пробуждать, оживлять и питать это святое *чувство*, дабы оно укреплялось, просветлялось и воспламенялось внутри человека, дало из себя силу, свет и жизнь всему человеку, всем его понятиям, всем его мыслям, желаниям и действиям» [8]. В качестве учебного пособия для постижения истинного религиозного чувства он рекомендовал своим студентам именно книгу Дрезеке «Вера, любовь, надежда». Как отмечает историк русского богословия протоиерей Георгий Флоровский, Павский вполне сходил с Жуковским, но «то было самое острое западничество не только в богословии, но и в самом душевном самочувствии. То было и психологическое самовключение в немецкую традицию» [8].

Однако для Жуковского эта книга имела еще и другой, почти сакральный смысл. Она стала символом его чувства к Маше; эмблемой их романа, их веры, надежды и любви, а потом воплощением священного воспоминания о ней. 25 июня 1831 г. в своем завещании он в специальном пункте говорит о ее передаче своему другу А.И. Тургеневу: «Александр Ивановичу Тургеневу книгу, переплетенную в корешок с белыми листами: Glaube, Liebe, Hoffnung» [9. С. 110]. Очевидно, что в данном случае речь идет о сохранившемся в Пушкинском Доме экземпляре книги Дрезеке с пометами Жуковского и Маши.

На титульном листе значится, что книга вышла в 1814 г. в типографии «Герольд и Вальштаб» в г. Люнебурге и стала вторым, улучшенным изданием проповеди. Здесь же находим дарственную надпись Жуковского:

Маше
Мой друг бесценный, будь спокойна!
Да будущего мрак – тебя не устрасит!
Душа твоя чиста! ты счастья достойна!
Тебя Всевышний наградит!

мая 12 1815 г.

Текст был хорошо знаком адресату и не мог не вызвать у Маши воспоминания о далеком 1806 г., когда поэт подарил ей ко дню рождения (16 января) золотообрезный альбом в красном сафьяновом переплете, а 14 октября записал в него идентичное четверостишие. Именно в 1806 г. к Жуковскому пришло осознание чувства к Маше, и это стихотворение представляло собой первое его признание, а спустя девять лет воспринималось как эпитафия к будущей истории их глубокой идеальной любви. На этом же листе в книге Дрезеке находится изображение Христа, предусмотренное автором. Жуковский оставляет тут же свой карандашный портрет – карандашный набросок Машиного профиля [10. С. 47].

Сочинению «Glaube, Liebe, Hoffnung» предпослан эпитафия из главы 13 Послания к евреям апостола Павла: «Иисус Христос вчера и сегодня и навеки». Форма и содержание сочинения Дрезеке в полной мере соответствуют его подзаголовку: «Руководство для юных друзей и подруг Иисуса» (Ein Handbuch für junge Freunde und Freundinnen Jesus). «Handbuch» предполагает традиционный и популярный в немецкой словесности жанр. Он восходит к греческой христианской традиции и представляет собой справочное издание, а именно пособие, толковый словарь, в котором важнейшую роль играет формально-логическое систематическое членение материала по той или иной теме. Так, в произведении Дрезеке по-немецки деловито и последовательно рассматривается область теологического знания о взаимоотношениях сына Божия и человека, об учении Христа и человеческой сущности. Поэтому семь разделов книги раскрывают логику проповедника, желающего донести до читателя элементарные на первый взгляд истины, и следуют в таком порядке:

1. Ich bin ein Mensch	1. Я есть человек.
2. Er ist ein Gott	2. Он есть Бог.
3. Ich kenne Ihn	3. Я знаю Его.
4. Ich soll Ihn lieben	4. Я должен любить Его.
5. Ohne Liebe werd' ich todt	5. Без любви я погибну.
6. Gott will, dass ich lebe	6. Бог хочет, чтобы я жил.
7. Ich bin unsterblich	7. Я бессмертен.

В основном тексте книги под всеми обозначенными в оглавлении сентенциями приводится подборка из нескольких десятков пронумерованных пунктов. В каждом формулируется утверждение проповедника, к некоторым из них в скобках даются ссылки на Библию и другие канонические христианские тексты-источники, чтобы читатель мог найти подтверждение данной мысли.

Жуковский и Маша штудируют книгу от начала до конца и оставляют на ее страницах самые разные пометы, которые демонстрируют зафиксированные на бумаге различные виды рефлексии и диалога, уровни читательской активности и осмысления содержания. «Glaube, Liebe, Hoffnung» отличается от других многочисленных изданий, содержащих пометы и записи их владельца, так как представляет ценный материал не только из истории самообразования молодого Жуковского-мыслителя, но из его личной биографии. На страницах немецкой проповеди о вере, любви и надежде открывается самая сокровенная в жизни поэта история взаимоотношений «со своим жизненным идеалом». Жуковский предстает перед нами как читатель, переводчик, учитель и тонко чувствующий и страдающий от разлуки влюбленный. Как минимум три специфически отличающихся друг от друга измерения коммуникации иницируются одной книгой. Первое и самое очевидное измерение можно назвать образовательным, педагогическим, так как книга предназначена Жуковским для филологического и нравственного самообразования юной Маши, которая должна научиться читать. Во-вторых, на страницах немецкой брошюры открывается пространство коммуникации между влюбленными, для которых проповедь Дрезеке оказывается интертекстом в метатексте личных отношений и обстоятельств; и наконец, тут же разворачивается общение между автором и читателем – о Боге, человеке и главных христианских добродетелях. Конечно, эти три сферы не отделены друг от друга четкими границами. Они сосуществуют как в сознании читателей Дрезеке, так и в оставленных ими на страницах книги пометах, переводах и комментариях.

Маргиналии Жуковского появились раньше, поскольку комментарии его возлюбленной часто относятся к размышлениям, оставленным им на полях. Следы его чтения более разнообразны и в то же время отличны от Машиных: это стихотворное посвящение, перевод текста, комментариев, собственное поэтическое творчество, навеянное читаемым сочинением, маргиналии различного типа, выражающие согласие или несогласие читателя с автором. Эти заметки следует рассматривать в первую очередь как приглашение к диалогу с собой и с книгой. Конечно, не всегда возможно с абсолютной точностью установить авторство различных отчеркиваний, однако с уверенностью можно говорить о том, что Машиные пометы включают в себя главным образом расшифровку оставленных Дрезеке ссылок, цитаты из священных текстов на французском и немецком языках.

Судя по дарственной надписи, книга Дрезеке была передана Маше в мае 1815 г. по возвращении из Дерпта в Петербург. Записи Жуковского сделаны после получения свежего издания в 1814 г. или в первые месяцы 1815 г. Вполне вероятно, что увлечение книгой стало плодом глубокого интереса Жуковского к немецкой литературе и эстетике, пробудившегося во время пребывания в Дерпте и общения с профессорами Дерптского университета. Преподнося другой экземпляр Дрезеке графине Самойловой, Жуковский пишет о моменте, когда познакомился с книгой: «Я прочитал ее в первый раз в такое время, когда мне был очень нужен ободряющий советник» [1. С. 137]. Действительно, к этому времени были оставлены последние надеж-

ды на воссоединение с любимой, решительный отказ на брак Жуковский получил в апреле 1814 г., после чего роман мог развиваться только на бумаге. Со второй половины 1814 г. поэт начал создавать свои письма-дневники, обращенные к Маше Протасовой, а в августе он покинул Муратово. Пометы Маши сделаны, скорее всего, в том же 1815 г., до помолвки с И.Ф. Мойером, которую благословил сам Жуковский в январе 1816 г. Но это чтение и для нее не было кратковременным. Книга Дрезеке сопровождала Машу на ее трудном жизненном пути и после свадьбы с И.Ф. Мойером. Так, в письме к Жуковскому от 13 ноября 1819 г. она сообщала: «Я читаю твоего Dräseke и говорю – sogar das Wünschen verlernt das Ihm ergebene Herz!» [11. С. 233]. Перевод: «даже желать разучится Ему преданное сердце!».

На страницах издания разворачивается диалог между двумя влюбленными, находящимися в вынужденной разлуке. В такой ситуации оба уповают на мистическое воссоединение в ином мире. Мотивы коммуникации идентичны лейтмотивам писем-дневников поэта, создаваемых в то же время, но они более откровенны и остры. Жуковский «вчитывает» в проповедь Дрезеке свое разочарование и отчаяние, здесь же пытается обрести надежду и совет. Общение с Машей выражено в комментариях читателя, которые он записывает по-немецки и в редких случаях – по-русски. Для наглядного представления приводим оригинал с воссозданием помет и самых ярких комментариев обоих читателей к ним, а также, при необходимости, идентичный фрагмент в русском переводе.

**Оригинал Дрезеке с пометами
и русский перевод**

1) Ich suche einen Gegenstand, der es verdiente meines Lebens Mittelpunkt zu sein. Ein Wesen mögt' ich finden, dem ich mich ganz ergeben, an das ich mich verlieren, dem ich durch nicht entrissen werden, dass Eigentum ich bleiben könnte ohne Wechsel: ich liebe [5. S. 8].

Я ищу предмет, который заслуживал бы того, чтобы стать главным в моей жизни. Я хотел бы найти существо, которому мог бы отдать всего себя, в котором мог бы потерять себя, которому принадлежал бы непременно: я люблю.

2) Ich gehe ja an Seiner Hand. Er waltete bisher; Ihm überlass' ich die Zukunft auch mit heiterem vertraun. Ich kenne keine Sorge, weil er sorgt. Sogar zu wünschen verlernt das Ihm ergebne Herz [5. S. 53].

Я живу с его помощью. Он властвовал доныне. Ему я с радостью веряю и будущее. Я не знаю забот, потому что Он заботится. Даже желать разучается преданное Ему сердце.

3) Ich schätze sogar meine Leiden; denn nicht die Rache hat sie bereitet, ein lieber Vater

**Комментарии В.А. Жуковского и
М. Протасовой (с переводом)**

Жуковский:

Die Liebe zum Göttlichen auf der Erde führt gerade zur Liebe Gottes im Himmel. Liebe hat um dort zu lieben und leben zu können [5. Л. 16 об.].

Любовь к божественному на земле приводит напрямую к любви Бога на небе. Любовь существует, чтобы любить там и чтобы суметь жить.

Жуковский:

und an Deiner [5. S. 66].

и с твоей (помощью. – Н.Н.)

in der anderen Welt, nicht hier [5. Л. 75–75 об.].

fügt sie mir zum Heil.

Ich empfangе sie gehalten, trage sie geduldig, und überwinde sie durch Glauben und Hoffnung [5. S. 61–62].

в ином мире, не здесь

Я ценю даже свои страдания, потому что не месть приготовила их, добрый Отец посылает их мне во благо.

Я принимаю их выдержанно, выношу их терпеливо и преодолеваю их посредством веры и надежды.

4) Der gute Engel will ich sein, o hilf mir Gott! der die Verloren sucht, die Schwachen stärkt, die Strauchelnden ergreift und die Gefallenen emporhebt [5. S. 74].

|| Das bist du ja [5. Л. 89 об.].

Я хочу быть добрым ангелом, о, Боже, помоги мне! который ищет потерянных, укрепляет слабых, обращает отступников и поднимает упавших.

Это ведь ты.

5) Und meine Hoffnung hat noch andre Stützen [5. S. 125].

И моя надежда имеет еще другие упования.

Жуковский:

Keine andre Stütze, als die, die nie zerbrochen werdend! und die himmlische Hoffnungen und nicht für mich allein! [5. Л. 147].

Никакого другого упования, кроме того, которое никогда не разрушится! и надежды на небеса и не только для одного меня!

Жуковский:

Was äußere Belohnungen? Glaube an Gott und in ein göttliches Herz und Selbstbewusstsein – das ist die einzige Belohnung! [5. Л. 147]

Что внешние вознаграждения? Верую в Бога и в божественное сердце и самосознание – это единственное вознаграждение!

Жуковский:

<...> und nach welchem Vaterlande! wo alles reines, hier nie ersehntes Glück wird zu Wirklichkeit im Schosse eines Liebendes Vaters und ohne Ende? und mit wem! [5. Л. 147].

7) Die Sehnsucht...Sie ist das Heimweh nach dem Vaterlande [5. S. 126].

Томление... Оно есть тоска по родине.

<...> и по какой родине! где все чистое, здесь желанное счастье никогда не станет реальностью, в лоне Любящего Отца и без конца? и с кем!

Записи поэта имеют исповедальный характер и адресованы Маше; в них отражаются душевные переживания поэта, которому размышления проповедника об ином мире помогают пережить душевный разлад. Комментарии Жуковского-читателя отражают разочарование и отчаяние, с одной стороны, и неизменное светлое любовно-религиозное чувство по отношению к М. Протасовой – с другой. Ее образ обретает божественные черты, она провозглашается путеводной звездой поэта. На страницах книги Дрезеке складывается романтическое вероисповедание Жуковского, преодолевающего тяжелейший душевный кризис с помощью веры в Провидение. Заметки и перевод

сочинения о вере, любви и надежде следует воспринимать в контексте «белой книги» Жуковского, как он называл свои дневники 1814–1815 гг. Эта принципиально новая эпистолярно-дневниковая форма также создавалась, чтобы стать «лучшим товарищем, верным поверенным, подпорю на будущее» [11. С. 110] для ее автора и в то же время предназначалась для Маши Протасовой. С этой точки зрения переданная ей Жуковским книга Дрезеке уникальна, поскольку содержит ответные комментарии и заметки Маши. В своих записях она старается подбодрить поэта, уверяет в своих чувствах и в необходимости продолжать жить, сохранив память об их светлом союзе. Ср.:

1) Und beide sind ein Ganzes. Wie ich hier ende, so beginn' ich drüben. Mein Leben, und kein andres, setz' ich fort [5. S. 127].

И обе <жизни> суть одно целое. Когда я окончу <жить> здесь, то начну наверху. Мою жизнь, и никакую другую, я продолжу.

2) Fest steht mein Glück, fiel' auch die Welt in Trümmer. Es ist unsterblich, gleich wie ich* [5. S. 145].

Мое счастье прочно, если даже разрушится мир. Оно бессмертно, так же, как я.

3) Ich bin noch auf der Erde, aber ich lebe nicht, wie ein Irdischer; ich lebe im glauben des Angebeteten, der mich geliebt hat [5. S. 122].

Я еще на земле, но я не живу, как земной, я живу с верой в Возлюбленного, который любил меня.

4) <...> so will ich, von Stund' an, mir ein Tagebuch halten [5. S. 120].

<...> так я хочу с этого часа вести свой дневник.

Жуковский:

«Это все у меня украдено» [5. S. 148].

М. Протасова:

«Ihr Leben und kein Andres setzen Sie fort!».

Вашу жизнь и никакую Другую Вы продолжаете!

М. Протасова:

«* (wir)» [5. S. 145].

Мы.

М. Протасова:

«вопреки всему» [5. Л. 143 об.].

М. Протасова:

«unter deiner Leitung» [5. Л. 143 об.].

под твоим руководством

Второе измерение коммуникации, разворачивающейся на страницах немецкого издания, определяется содержанием книги: это диалог читателя с автором, хотя и в свете той же личной драмы. Мы имеем в виду, прежде всего, очеркивания Жуковского, которые открывают желание снова обрести веру в себя, в чистое и духовное человеческое начало. По содержанию эти заметки более жизнеутверждающие и оптимистические, чем диалог с Машей.

Текст, отмеченный Жуковским

Перевод текста, отмеченного Жуковским, характер помет

1) Ich bestimme mich dem äußern Drang zuwieder. Ich kann Ich selbst sehn und mich durchsetzen gegen alles, was mich daran zu hindern wagt [5. S. 7].

2) Ich bin mir selbst als Wesen edlerer Natur gewiss [5. S. 7].

1) Я способен на самоопределение вопреки внешнему натиску. Я могу сам видеть себя и противостоять всему, что отваживается мне противостоять.

2) Я сам осознаю себя как существо благородной природы.

3) Den Glauben nährt und gründet meine Sehnsucht [5. S. 7].

4) Es wohnt demnach in meines Leibes Hütte ein Leben, niederm Staube fremd, ein Geist; und dieser geist bin ich [5. S. 8].

5) Sinn' ich dem Schicksal nach: so mahnt mich an den unsichtbaren Lencker das heilige Band, das unsre That an ihre Folgen knüpft, der Wechsel von Lust und Leid, in jedem Lebenslauf, der Eintritt wunderbarer Hülfen bei drohender Gefahr. – Ja, selbst die Wege, die sich anfangs nicht begreife, enden allemal nur damit, dass ich, von ihrem Ausgang hochentzückt, vor meines Gottes Herrlichkeit verstumme [5. S. 45].

6) O, leite mich. Ich bin auf ewig Dein! [5. S. 152]

3) Вера питает и дает основание моему томлению.

4) В хижине моего тела обитает жизнь, чуждая низкому праху, дух, и он есть я (отчеркнуто одной чертой на полях).

5) Когда я размышляю над судьбой, меня влечет невидимыми знаками святая лента, которая связывает наши поступки с их последствиями, смена радости и страдания, на каждом жизненном пути, поступление чудесной помощи в угрожающей опасности. – Да, даже те пути, которых я сначала не понимаю, все оканчиваются только тем, что я, глубоко пораженный их исходом, немею перед господством моего Бога (отчеркнуто одной чертой на полях).

6) О, направь меня. Я навеки Твой! (отчеркнуто одной чертой на полях)

Диалог с книгой выражается ярче всего в начатом Жуковским переводе (до настоящего времени работа Дрезеке не имеет русского перевода). Стилистически проповедь Дрезеке напоминает логическую задачу, где из определенных оснований с необходимостью следует то или иное заключение. Перевод из главы «Я есть человек» обнаруживает просветительскую антропософскую идею о центральной роли человека в мироздании. В тексте Дрезеке и переводе Жуковского эта сентенция обретает космогонический контекст: от утверждения «Я живу» взгляд обращается к окружающим существам, соседним народам, затем положению Земли во Вселенной и познанию других небесных тел. Более внимательное рассмотрение человека открывает уникальность человеческой природы, внешней и внутренней, и ее превосходство над иными живыми существами, из чего следует вывод о неземном происхождении человека. Далее приводим текст Жуковского параллельно с оригиналом – так, как это выглядит в описываемой книге:

Оригинал И.Г.Б. Дрезеке

1. Ich bin da, und lebe².

2. Ich bin anders als die Dinge um mich her.

3. Auch sie sind unter sich verschieden.

4. Die Gattungen kann ich nicht übersehen; das Heer der Einzelnen noch weniger.

5. Manche sind so klein, dass nur die Kunst sie mir erst sichtbar macht. Andre sind so groß, dass nicht die weiteste Entfernung sie meinem Aug' entrückt.

6. Ich komme mir in einer solchen Welt gering vor.

7. Die Erde selbst, die ich bewohne, verliert sich, wie ein Punkt, im grenzenlosen Ganzen.

8. Für mich ist sie gleichwohl ein wichtiger Gegenstand.

9. Schon ihre natürliche Beschaffenheit regt meine Wissbegierde auf.

Перевод В.А. Жуковского

1. Я в мире; я живу.

2. Я отличен от созданий, меня окружающих.

3. И они между собою различны.

4. Я не могу объять все роды; еще менее все единицы.

5. Иные так малы, что одно только искусство может их сделать ясными. Иные так огромны, что и с величайшим отдалением не исчезают из глаз моих.

6. Сколь малозначащим кажусь я себе в таком мире.

7. Сама земля, на которой живу, теряется как точка необъятного целого.

8. Подле меня она есть предмет, достойный всего моего внимания.

9. Ее состав освежает мое любопытство.

² Подчеркнуто Жуковским. В тексте перевода оставлено без помет.

10. Nicht minder lehrreich wird mir ihr Zusammenhang mit andern Himmelskörpern.

11. Noch näher liegen mir die Einrichtungen der Völker auf ihrer Oberfläche.

12. Wie sollt' ich endlich die tausendfachen Güter nicht bemerken, die sie für die Lebendigen erzeugt!

13. Ich nehme die Umgebung durch meine Sinne wahr, und nenne sie insofern Sinnwelt.

14. Die nähere Betrachtung meiner Sinne enthüllt mir ein Gemälde tiefer Weisheit.

15. Mein ganzer Leib ist eine Welt von Wundern. Er ist die Krone der irdischen Natur, der Vorhof in ihr Allerheiligstes. Das Ehenmaß der Teile; der Glieder staunenswürdige Beweglichkeit; der innre Bau, der nun das Einzelne so zart und doch so kräftig fest verknüpft; dies alles, wenn ich's denke, versenkt mein Herz in namenlose Rührung.

16. Vergleiche ich mit andern meinen Leib: so find' ich, dass er manchen zwar sehr ähnlich ist, doch auch von diesen merklich abweicht.

17. In vieler Hinsicht scheint das Tier mir vorgezogen.

18. In andrer bleibt es hinter mir zurück.

19. Am meisten erhebt mich über alle mein aufrechter Gang, mein ausdrucksvolles Antlitz, meine kunstfähigen Hände, meine unvergleichlichen Sprachwerkzeuge.

20. Ich stehe höher, als die Geschöpfe neben mir.

21. Ich beherrsche sie sogar. Ich verändere nach Gefallen ihren Zustand. Ich zwinge sie, mir zu dienen. Selbst solche, die nur ungern mir gehorchen, erfahren meine Übermacht.

22. Wer gibt mir diese denn? Nicht die Gestalt. Die Hand nicht, nicht der Blick, das Wort, die Stimme. Sie waltet im Verborgnen.

23. Ich bin ein Wesen letztrer Art. Ich bin ein Mensch. [5. S. 3–4]

10. Столь же любопытно для меня ее отношение к другим телам небесным.

11. Но еще любопытнее состояние обитания народов на ее поверхности.

12. Могу ли не заметить того великого множества благ, которые находят в ней все живущие.

13. Обо всем окружающем мире я получаю понятие посредством чувства и потому называю его миром чувственным.

14. Рассматриваю ближе своими чувствами и <...> развивается творение великой мудрости.

15. Мое тело есть мир чудес. Оно венец земной природы, оно преддверие к ее святилищу; сопряжение частей, чудесная подвижность членов, внутреннее строение, которым все отдельное соединяется так нежно и в то же время так сильно и плотно – все сие, когда о нем размышляю, производит в сердце моем умиление невыразимое.

16. Сравнивая тело мое с другими, нахожу, что оно сходно с многими и во многом от них отлично.

17. В ином звери, кажется, имеют надо мною преимущество.

18. В другом они должны мне уступать.

19. Но главное мое наибольшее преимущество над ними дает мне моя возвышенная поступь, мое выразительное лицо, мои искусные руки, мое несравненное орудие языка.

20. Я стою выше, нежели окружающие творения.

21. Я даже властвую ими, по нраву изменяю их состояние; принуждаю их мне служить, и самые те, которые неохотно мне повинуются, должны познать мое превосходство.

22. Что же мне дает это? Не сила, не власть, не слово – нечто действующее сокровенно.

23. Я существо высшего рода. Я человек. [5. Л. 5–5 об.].

Универсализм, зафиксированный органами чувств, стремление к постижению частного через целое и к гармоничному мировосприятию определенно импонировали Жуковскому и, по его собственному признанию, пробуждали в нем активность души. Ср. его известное высказывание о том, что немецкая философия «возвышает душу, делая ее деятельнее, она больше возбуждает энтузиазм»; «оживляет, побуждает» [13. С. 22] душу. Переведенный фрагмент вписывается в общий контекст немецкой философии и истории, которую он целенаправленно и увлеченно изучал, комментировал и переводил на полях. В частности, теория единого органического развития природы, в которой человек занимает свое особое место, внутренне близка концепции «универсальной закономерности» Гердера в его работе «Идеи к истории человечества», имеющейся в личном собрании поэта [14. С. 159–168]. Началь-

ные и конечные пункты перевода напрямую перекликаются с рассуждением о божественном происхождении и различии человеческих душ, отмеченным Жуковским в тщательно проштудированном труде Ш. Бонне «Созерцание природы» [14. С. 331–346].

Перевод Жуковского предельно точен и не содержит сколько-нибудь значимых отклонений от оригинала. Особенность начальных разделов издания заключается в отсутствии ссылок на священные тексты, в которых читатель может найти подтверждение тем или иным мыслям автора. Они представляют собой полностью оригинальные, предельно ясные и декларативно убедительные, жизнеутверждающие тексты. По этой причине, вероятно, Жуковский решил сначала на перевод проповеди. Но не все дальнейшие мысли Дрезеке вызвали его читательское согласие. Так, к примеру, вопросительным знаком отмечено утверждение «Я должен исполнять долг, свободно и радостно; чтобы быть добродетельным» [5. S. 49]. К тому же от раздела к разделу очевиднее становится жанр справочника-пособия, не совсем «удобный» для художественного перевода, поэтому после первого целостного фрагмента редкие отрывки перевода призваны подчеркнуть его одобрение. Например, следующее утверждение Дрезеке: «Er ist, und offenbart sich seinen Menschen» [5. S. 10] снабжено переводом: «Он есть, он открывает себя своему человеку» [5. Л. 19 об.].

Таким образом, книга Дрезеке, сохранившаяся в ИРЛИ и принадлежавшая В.А. Жуковскому и М.А. Протасовой, является важнейшим и интереснейшим артефактом, поскольку открывает новые грани сюжетов биографии и творчества романтика и культурно-исторической эпохи 1810-х гг. Многомерное пространство коммуникации между автором и двумя читателями, зафиксированное на страницах самого издания и на дополнительных листах, представляет собой многоуровневую структуру. Поводом для диалога с книгой (автором) и с избранницей является учительство Жуковского; в качестве мотива выступает сложное положение в жизни и творчестве поэта, а также непереносимое стремление к нравственному самосовершенствованию и познанию. Немецкая проповедь помогает обрести почву для укрепления свойственных ему религиозно-романтических настроений. Обозначенная в заглавии триада, как ее понимает Дрезеке, усвоена и впитана Жуковским-мыслителем, о чем свидетельствует все его дальнейшее наследие. Вера, любовь, надежда (или упование на Провидение) станут организующими началами его романтической системы.

Указанная книга – один из немногих источников, сохранивших следы живого диалога влюбленных друг в друга учителя и ученицы, В.А. Жуковского и М.А. Протасовой. Особый интерес представляют не опубликованный ранее прозаический перевод романтика и его записи на немецком, свидетельствующие о полноценном владении языком еще до посещения Дерпта и тесного общения с кругом немецкоговорящих друзей. Наконец, само увлечение Жуковского сочинением немецкого священника, обращение к нему за помощью в критической ситуации еще раз говорит о глубинном характере «германофильства» поэта, о чувстве внутреннего созвучия концептов русской и немецкой ментальностей.

Литература

1. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2004. Т. 13.
2. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.
3. Гофман М.Л. Пушкинский музей А.Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926.
4. Лобанов В.В. Библиотека В.А. Жуковского: (Описание). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981.
5. ОР ИРЛИ РАН. 27.808 / CXCIX б. 5. Dräseke J.G.B. Glaube, Liebe, Hoffnung. Ein Handbuch für junge Freunde und Freundinnen Jesus. Lüneburg, 1814.
6. Голубцов В.В. П.И. Полетика и В.А. Жуковский: Заметка // Русская старина. 1883. Ч. 39. Сент. С. 625–626.
7. Соловьев Н.В. История одной жизни. А.А. Воейкова – «Светлана». Пг., 1915. Т. 1. С. 137–140.
8. Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Ч. 1: История русского богословия. Его становление // Немецкое направление – «облегченное, уклончивое и зыбкое богословие. Holy Trinity Orthodox School, 2003. Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru>. Код доступа: свободный. Дата обращения: 02.02.2011 г.
9. Мисайлиди Л.Е. Завещание В.А. Жуковского 1881 года // Пушкин и его современники: Сб. науч. тр. СПб., 2009. Вып. 5 (44).
10. Соловьев Н.В. Поэт-художник Василий Андреевич Жуковский // Русский библиофил. 1912. Ноябрь. – дек. (Спец. выпуск «В.А. Жуковский»).
11. Уткинский сборник: Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой / под ред. А.Е. Грузинского. М., 1904.
12. Дерптский дневник Жуковского // Гофман М.Л. Пушкинский музей А.Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926.
13. Жуковский В.А. Письма к А.И. Тургеневу // Русский архив. М., 1895.
14. Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1.